

Зерно, что привезли с полей, уже созрело, но толком просушить его не успели — сразу пустили в делёж. В тот же вечер Ли Сы принёс свежесмолотую муку домой и засыпал в котелок. Едва вода закипела, по избе поплыл густой, ни с чем не сравнимый аромат свежего хлеба.

Поскольку зерно было влажноватым, молось оно неохотно, и шелуха отделялась плохо. В кипятке эти недочищенные отруби разбухли и серым слоем всплыли на поверхность. Ван Сюань уже занёс черпак, собираясь снять накипь, но Ли Сы придержал его за руку. Подумаешь, новое зерно да с мякиной! Было бы чем брюхо набить, а уж они-то в своей жизни и не такую дрянь едали.

Если делить честно по душам, этой доли едва хватило бы каждому дня на два. Староста и так пошёл на отчаянный шаг, взяв на себя огромный риск перед начальством.

По краям чугушка накипела плотная каемка навара. Её бережно соскребли до последней капли — в крестьянском доме таким добром не бросаются.

А следом навалилась настоящая летняя страда. Смуглые, почерневшие на солнце ребятишки — и девчонки, и мальчишки — стайкой ждали у края поля, пока взрослые закончат косить, чтобы ринуться следом. Сперва убирали пшеницу, затем подспела соя с арахисом. Своими короткими ножками детвора исходила каждую пядь общинной земли. Всё, что удавалось поднять с сухой стерни — оброненный колосок, выпавший боб, — разрешалось уносить домой. Добычи выходило с гулькин нос, но дома её можно было высыпать в ступу и истолочь.

Заваришь такую кашу, разобьёшь туда прямо с пылу с жару свежее яичко, присолишь крупной солью, размешаешь — и ничего вкуснее на всём белом свете не сыщешь.

На фоне деревенских замарашек Ван Сюань со своей светлой кожей смотрелся чужаком. И как только ухитрялся? Ведь работал наравне со всеми, под тем же палящим солнцем, а загар к нему словно не лип. Стоило ему поспать ночь, как сошедшая за день краснота спадала, и кожа снова становилась чистой и белой.

Среди ватаги чернявых, как чертята, ребятишек он казался залётным гостем. Тот же Гоудань к середине лета выгорел так, что на лице светились одни белки глаз да неровный часток кол зубов. Зубы у него как раз менялись: одни выпадали, другие только прорезались, но при этом оставались ослепительно белыми, хоть парень и не жаловал зубную щётку.

Впрочем, самого Гоуданя это ничуть не заботило — лица своего он со стороны не видел и искренне считал себя вполне обычным. Когда соседи подшучивали, что рядом с нежным Ван Сюанем он смотрится обгорелой головнёй, парень лишь весело зубоскалил, огрызался для порядка парой крепких словечек и тут же забывал об обиде.

Но вот вольная жизнь закончилась — пришла пора возвращаться за парты. Какими бы некудышными учениками они ни были, а статус обязывал. Взрослым же вроде Ли Сы передышки не полагалось: на носу стоял летний сев, и теперь все силы предстояло бросить на батат.

В классе теперь сидели сплошь чумазые, прокопчённые солнцем заморыши. Не приглядишься к длине волос — ни за что не разберёшь, где девчонка, а где парень. А уж если какая девчушка стриглась покороче, то в общей куче мал-мала-меньше она совершенно сливалась с мальчишками.

Гоудань тем временем усердно разминался на заднем дворе. Пускай он потемнел лицом, зато заметно раздался в плечах и окреп. На сухощавых руках под кожей уже угадывался чёткий рисунок литых жил. Силы в этих тонких руках прибавилось знатно, хоть парень по-прежнему оставался худым как щепка — поджарый, костистый, ни капли лишнего жира. Но стоило ему напрячься, как под кожей мгновенно перекатывались тугие сухие жгуты мышц.

В руках у него привычно поигрывал воронёный кинжал. Бедная кривая березка у порога чуть не зачахла от его постоянных упражнений в метании — весь ствол изгвоздил. Тогда Ван Сюань благоразумно посоветовал срубить в лесу сухостой толщиной с ногу и врыть его в землю вместо мишени. К сегодняшнему дню этот самодельный столб на уровне плеч и головы Гоуданя лишился последних ошмётков коры.

Древесина под ней была испещрена глубокими зазубринами и расщелинами от бесконечных ударов лезвия. В искусстве метания Гоудань заметно набил руку: теперь он легко отходил назад ещё на пару шагов и без промаха укладывал клинок точно в цель.

Ван Сюань к воинским забавам тяги не испытывал. Ему куда милее было устроиться в тишине и копаться в старых травниках. Он садился поодаль от летящих ножей, но так, чтобы они оставались в поле зрения друг друга и могли переговариваться.

Их ветхая лачуга ютилась на самой окраине деревни Сикань. До ближайшей усадьбы — двора старой тетушки — было добрых сто метров заросшей бурьяном тропки. Место глухое, дикое. Раньше здесь жил одинокий старик, у которого не осталось ни одной родной души на свете. Суеверные деревенские считали его дом несчастливым, запущенным, а потому, когда изба опустела, никто на неё не позарился. Так она и досталась гонимым нуждой Ли Сы с сыном.

Зато тишина здесь стояла благодатная. Пока Гоудань со свистом рассекал воздух клинком, Ван Сюань, не обращая внимания на шум, увлечённо стучал пестиком, перетирая сухие корни в каменной ступке, оставшейся от настоятеля храма.

Он то и дело подсыпал новые травы, сверяясь с записями и что-то бормоча под нос. Когда смесь превратилась в однородную труху, он достал из своего пространственного кармана сочные, мясистые листья редкого растения и бросил их следом.

Ещё немного постучав, Ван Сюань достал липкую зеленоватую кашицу, выложил её на ладонь и принялся аккуратно скатывать тонкими пальцами. Вскоре получилась аккуратная колбаска длиной пальца в три. Он бережно переложил её на лоскут старой циновки, нарезанный мелкими квадратами.

Выложив палочки ровными рядками, он перенёс циновку в тень, куда проникал лишь

рассеянный дневной свет, чтобы они как следует подсохли.

Гоудань подошёл ближе, с любопытством присел на корточки и потянул одну штучку за кончик. Та с негромким щелчком разломилась пополам.

—... Э? — парень недоумённо уставился на обломки.

— Ну кто же так делает! — возмутился Ван Сюань. — Они же ещё сырые, от любого прикосновения развалятся.

— Да что это вообще за штуковина?

— Да вот... — Ван Сюань замялся. — Помнишь, наши противомоскитные брикеты жутко воняют кислятиной? В записях настоятеля сказано, что если жечь их вместе с этими благовониями, то запах выровняется и станет приятным.

— И сработает? — усомнился Гоудань.

Спать каждую ночь в облаке удушливого чада, разившего протухшей квашеной капустой, было тем ещё удовольствием. К утру одежда и волосы так пропитывались этим амбре, что казалось, будто ты сам закис в бочке.

— Должно сработать. Попытка не пытка, хуже точно не будет, — вздохнул Ван Сюань.

Их средством от комаров пользовалась уже половина деревни. С наступлением сумерек над Сиканью поднимался характерный сизый дымок с густым кислым душком. Зайдёшь к кому-нибудь в гости вечером, принимаешься — ба, да вы тоже спасаетесь! И сразу как-то теплее на душе становилось, все свои. Но дышать этим каждую ночь утомляло. Конечно, большинству крестьян на тонкие ароматы было плевать: воняет и воняет, лишь бы гнус не жрал.

Но находились и привередливые — те предпочитали терпеть укусы, мол, деды терпели и нам велели. Вот только жизнь им это усложнило: из тех домов, где зажигали брикеты, мошара в ужасе улетала и полчищами скапливалась у соседей-чистоплюев. Комары ведь тоже не дураки, летели туда, где не воняло.

— И что, если смешать два запаха, зловоние исчезнет? Что-то слабо верится.

Ван Сюань обиженно надул губы:

— В записях чётко сказано: у каждого снадобья свой нрав и своя сила. Смешаешь одно с другим — получишь новое свойство, которое может как исцелить, так и отравить. С запахами то же самое, главное — угадать с пропорциями.

Немного помолчав, он увлечённо продолжил:

— Вот эти палочки высохнут, мы подожжём их вместе с вонючими брикетами, и воздух сразу очистится...

— Точно без отравы? — прищурился Гоудань. — Сам же только что про яды толковал.

Ван Сюань поперхнулся:

— Да какая там отравка! Состав простейший, вреда человеку не причинит. Он даже комаров не убивает, просто отваживает их от жилья. И старые брикеты, хоть и пахли скверно, были абсолютно безопасны. Достаточно высушить эту смесь, бросить в плошку с угольками, а сверху положить кусочек брикета. Запахнет весенним лесом, вот увидишь!

Ван Сюань любовно разложил свои заготовки.

— Погоди, — Гоудань почесал затылок. — А почему бы тебе просто не смешать обе заготовки сразу? Замесить всё в одну кучу да накатать тонких палочек, как те благовония в храмах. Поджёт одну — и делов-то.

Он ткнул пальцем в разномастные кучки:

— А так ты только лишнюю работу себе придумываешь. И возиться дольше, и разжигать замучаешься.

Ван Сюань замер. Глаза его удивлённо округлились.

— И в самом деле... Как я сам не догадался!

Он ведь слепо шёл по рецепту из старой тетради настоятеля, шаг за шагом, даже не подумав, что формулу можно упростить и объединить компоненты в один состав.

— Ладно, раз уж эти накатал, пусть сохнут. В следующий раз попробую смешать, — смущённо пробормотал он.

Ван Сюань торопливо подхватил края самодельного подноса из циновки.

— Давай, подсоби лучше.

— Иду, — покладисто отозвался Гоудань, решив больше не подливать масла в огонь.

— Надо повыше пристроить, на крышу навеса, — распорядился Ван Сюань. — Иначе куры растащат. В деревне ведь птица вся на свободном выпасе, так и норовит клюнуть или разрыть лапами всё, что плохо лежит. Смерть моим трудам.

— Эй, Гоудань! Отец дома?

— Дома! — Гоудань зычно гаркнул в сторону открытых дверей: — Батя! К тебе староста!

Подошедший староста добродушно отвесил парню лёгкий подзатыльник:

— Шустрый какой. Ладно, ступай гуляй.

Гоудань сердито потёр макушку и зыркнул на гостя исподлобья. Соседи вечно твердили, будто у него лоб высокий, а затылок круглый, приметный — мол, умным вырастет. Но это вовсе не значило, что каждый встречный взрослый имел право трепать его по голове!

«Ишь, повадились затылок щупать!» — ворчал он про себя. Взрослые уверяли, что его круглая голова идеально ложится в ладонь. Парень взъерошил свои и без того торчащие вихры и твёрдо решил впредь держать затылок подальше от чужих рук.

Услышав крик сына, Ли Сы велел Ван Сюаню приглядывать за очагом и вышел во двор. Озадаченный визитом, он вынес старосте низкую скамеечку, но тот лишь отмахнулся:

— Не садись, я на минутку. Дело у меня. Завтра от нашего села снаряжаем обоз — повезём зерно на госзаготовки в уездный город. Гоудань парень уже взрослый, сильный, так что давай собирайся, вместе пойдёте. Обернёмся дня за три, если повезёт, а то и все пять проболтаемся.

— Как в уезд? — удивился Гоудань, сунув нос в разговор. — А почему не в коммуну, как обычно? В прошлый раз ведь туда возили, а оттуда уже государственные грузовики забирали.

Те зелёные армейские грузовики врезались ему в память: огромные, мощные, не то что развалюхи-автобусы, на которых крестьяне раз в год выбирались в город.

— Нынче приказ свыше пришёл, — вздохнул староста. — Наше дело маленькое: начальство велит везти — везём. Ладно, собирайте нехитрые пожитки. Завтра на рассвете сбор у общинных амбаров, что возле родового храма. Выходите потемну, посреди ночи уже на ногах надо быть. Мне ещё половину деревни обойти надо.

Список тех, кто идёт, староста составил заранее — теперь оставалось лишь раздать наказания. Поговаривали, что в этот раз гнать обозы в уезд обязали все деревни нашей коммуны, да и из

соседних районов народ тоже потянется.

— Если туда со всего уезда обозы стянутся, на приёмном пункте такая давка начнётся — бог весть, сколько в очереди простои́м. Так что берите еду с запасом, — добавил староста на прощание.

Прошлый год выдался неурожайным, закрома пустовали. Дорога предстояла дальняя, тяжёлая — кому с коромыслом пешком топать, кому тачку толкать. Народу собиралось много, а прокормить такую ораву сильных, прожорливых мужиков производственная бригада была не в состоянии. Откуда у колхоза лишнее зерно на дорожные пайки?

Потому и шли неохотно. Путь до уезда неблизкий, а из транспорта — пара скрипучих воловьих повозок да несколько ручных тачек. Тащить тяжеленные мешки по июльскому пеклу на собственном хребте, обливаясь потом и сбивая ноги в кровь, — удовольствие сомнительное. После изнурительной страды у людей и так кожа сходила пластами от солнечных ожогов, а тут новая напасть. Чистое мучение!

Но сколько ни возмущайся, деваться некуда. Ходили слухи, что если опоздать со сдачей, заготовительный пункт в уезде закроется, и тогда придётся тащить мешки в сам окружной центр. А это уже сущий кошмар. Такого поворота никто не хотел.

Хочешь не хочешь, а раз пришёл черёд — отдай работника. В семьях, где сыновей было много, призывали двоих, а то и троих. Начинали роптать? Староста разговор короткий держал: коли едоков в доме полно, так и доля сдаваемого зерна на вашу избу выходит больше. Послабление давали лишь дворам без кормильцев — вдовам с малыми детьми да немощным старикам.

Всех мужчин моложе сорока пяти обязали явиться под завязку. Попробуй откажись!

Поворчали крестьяне, пообивали порог старосты, да на том и успокоились. Плетью обуха не перешибёшь — ехать всё равно придётся.

А вот у Гоуданя от мысли о поездке в уездный город сладко заныло под ложечкой, и сердце застучало частой, восторженной дробью.

<http://bllate.org/book/19654/1996706>